

М.А. ВОРОНОВ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Повести. Рассказы // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1961
FB2: Isais <isais2005@yandex.ru >, 2014-11-21 10:32:45, version 1.0
UUID: samlib546eea9d6fbb40.21151151
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Алексеевич Воронов

Современный герой

Михаил Алексеевич Воронов

Современный герой[1]

«Известившись из доходящих до нас слухов, что сын наш (имярек) делает долги и выдает от своего имени разным лицам векселя, — мы, нижеподписавшиеся, сим предупреждаем всех, кому то ведать надлежит, что по долговым обязательствам сказанного сына нашего мы отнюдь платить не намерены; своего же имущества, как родового так и благоприобретенного, он положительно никакого не имеет».

Таким коротким извещением, то и дело падающим в наших газетах, обыкновенно заканчивается, так сказать, Одиссея большинства современных героев. Как рок в древних трагедиях, нежданно рушатся на голову их эти немногие, но многознаменательные слова, и — всему конец! Вчера — блеск и торжество, сегодня — мрак и отчаяние; вчера — Дюссо и Шармер, сегодня — голод и фрак татарину; вчера — маргарита и шампанское, сегодня — косые взгляды товарищей и холодность нежнейшей подруги! О боже! скольких превратностей исполнен мир!..

Но попробуем хоть наскоро пробежать эту

Одиссею, эту длинную цепь самых прихотливых походов.

Петруше (он-то и есть герой) пятнадцать лет; знает Петруша отлично по-французски, неважно, но знает и по-немецки, кое-что смыслит по-английски: он высок ростом, хорошо сложен, недурно танцует, берет несколько аккордов на фортепьяно и очень занят собой, что немало радует *tata*: «Петруша должен иметь успех в свете», — говорит она. Нужно заметить, что те прекрасные качества, которые мы привели сейчас, Петруша получил под кровом родительским, под надзором гувернера, где-нибудь в Тамбове, Нижнем, Саратове или подобном губернском городе. Естественно, что при всем видимом совершенстве всех качеств, герою нашему недостает, однако, качеств более совершеннейших... ну, науки там, что ли, а наука, как известно, в губернии не водится, потому на семейном собрании и положено — отвезти Петрушу в Петербург для дальнейшего образования.

Учреждений в Петербурге, преследующих образовательные цели, великое множество.

Частный пансион, куда попал наш герой,

находился в ведении некоего педагога, известного под непривлекательным именем Косого Заяца. Косой Заяц, человек очень ловкий и предприимчивый, вел свое дело на весьма широких основаниях! У него было десятков до шести, семи воспитанников, которых он принимал не иначе как на полное содержание, взимая не менее тысячи рублей за каждого пансионера. Заведение это, однако, считалось только пригготовительным. «От меня хоть в университет с радостью возьмут», — хвастал Косой, выставляя на вид родителям солидность своего пансиона. Прежде чем принять Петрушу под свой кров. Заяц сделал ему маленький экзамен, после чего сообщил *papa* и *tata* своего нового питомца, что хотя он и согласен взять их сына на общих основаниях, тем не менее его познания так ничтожны, что ему придется брать еще *частные* уроки, кроме классных; другая тысяча рублей была ассигнована на эту статью. Родители отбыли восвояси.

Нет надобности останавливаться на пересмотре занятий нашего героя — это будет и длинно, и вяло, и скучно; мы просто попробу-

ем взглянуть на Петрушу года через два после поступления его к Косому Зайцу.

О, Петруша ужасно развился в этот короткий срок! Он вырос на целую голову: он отлично ездит на лошади верхом; он прекрасно катается на коньках; он знает, что в Париже женщины грациозно-кокетливы, а в Лондоне холодно-величественны; он в совершенстве изучил Бореля, Донона, Шотана, Доротта и Огюста; он постоянный посетитель французского театра, где смотрит такие пьесы, при одном имени которых берут корчи все это пересмотревшую его бабку-ханжу и сладострастно чавкают парализованные губы деда-юноши, при одном имени которых дрожат словно в лихорадке подобные юноши и сухо замечает обыкновенный смертный: «Да какая же эта оперетка, это просто общая ванна, если еще не хуже; потому что в ванне хоть водой прикроешь свой стыд, а тут и воды даже нет»; он, наконец... Ах, зачем, муза моя, покинула ты меня! Только стихами и можно воспеть то, что я должен изложить теперь презренной прозой... У Петруши, видите ли, есть фрак, и стоит один этот фрак ровно сто двадцать пять

рублей, и не знает этот фрак от рождения утюга, и сотворен этот фрак из тончайшего сукна, и весит этот фрак чуть не пять золотников... Нет, без стихов тут ничего не поделаешь!

Так, преуспевая во всестороннем развитии ума и сердца, герой наш провел года три у Косого Зайца, от которого перешел куда-то в другое заведение, а отсюда, тоже года через три, выступил уже изготовленным на жизненную стезю. В двадцать с чем-нибудь лет Петруша значительно развился и физически, сложился, сформировался, и вышел из него совершенный бельом, или, как говорят плебеи, «лоботряс, ничего себе». Он, кажется, числится где-то на службе; по-прежнему любит Бореля и прочих и по-прежнему добросовестно посещает балет и французский театр; бильярдное искусство Петруша постиг до того, что даже сам француз Пегий дает ему не больше пяти очков вперед; вкус в винах и гастрономию герой наш понимает недурно; он, наконец, пользуется особенной благосклонностью Берты, этой волшебницы Берты, этой коварно-прекрасной Берты, — а Берта не шутка

(голову даю на отсечение, если насчитаете больше десяти таких счастливицев)! Но что касается до его туалета, то... Ах!.. Прошлой осенью, когда он явился на Невский в новом пальто, все так и ахнули от удивления; а какой-то мелкий портной-штучник (мне это рассказывал очевидец) до того был поражен видом Петрушина пальто, что долго стоял в оцепенении, неподвижный как статуя, и наконец с словами: «Пропадай всё!» — стремительно бросился в кабак.

И потекли дни нашего героя в довольстве и счастии: полное самых обворожительных воспоминаний утро сменяет игривый полдень, за полднем наступает очаровательный вечер, вечер тонет в волнах бурной ночи; а там опять утро, опять полдень, опять вечер, опять ночь... Это ли не жизнь, черт возьми!

Встанет, положим, Петруша часов в двенадцать, ну, туалетом займется в меру, часок-другой, а там кучера велит позвать (благородная страсть к лошадям привита ему вместе с оспой).

— Здравствуй, Семен!

— Желаем здравия, батюшка Петр Микола-

ич.

— А что, Семен, я ведь хочу Злобного поменять...

— Разумеется, это ваше дело, Петр Миколаич, но только конь добрый: насчет бегу ли, доброты — мать, а не лошадь! Опять же, Петр Миколаич, и то сказать, зад у ево ровно печь, в ноге бабка низкая, ну и тело на себе держит в наилучшем виде.

— Да, все это так; но...

— Ваша барская воля, Петр Миколаич...

— Ведь нельзя же нам все на одной да на одной; ведь, слава богу, мы не нищие какие.

— Зачем же нищие...

— А не нищие, так из-за чего же мы жмем-ся?

— На что жаться...

— Ну так ступай!

Через полчаса Петруша уже красуется где-нибудь на заднем дворе в Кузнечном переулке или Николаевской улице, этих главных притонах лошадиных барышников.

— Менка будем делать, Петр Миколаич, али купить желаете? — спрашивает плутовская чуйка, похлопывая кнутом об сапог.

— Да, меняться.

— А какого товару желаете, Петр Миколаич, помягче али с огоньком?

— С огоньком, с огоньком.

— Мирон! — кричит чуйка, — выведи-ка Московку.

В конюшне начинается страшная возня, голоса ревут: «тпру!.. черт!.. уйди, убьет!» — и через минуту Мирон как сумасшедший вылетает из двери, а следом за ним козлом выпрыгивает Московка: глаза горят, ноздри испускают страшный сап и храп, — видно, что порядочную баню получила эта Московка перед выводкой. Сделав два-три прыжка, лошадь становится на задние ноги и ловит передними повод.

— Актриса, а не лошадь! — вопиет чуйка, — ровно ролю какую, дьявол, играет. Нука, пробеге, Мирон.

Мирон несколько раз пробегает с лошастью мимо нашего героя; Петруша в восхищении...

— А сколько ей лет? — с видом знатока спрашивает он.

— Три года, — бессовестно врет чуйка. — Три али четыре? — спрашивает он Мирона.

— Четвертая вот весна будет, — не смигнув даже, подлыгивает Мирон.

— Ну, ей не четыре, а больше, — важно произносит герой.

— Сейчас издохнуть, Петр Миколаич! Извольте зубы посмотреть.

Тут чуйка лезет лошади в рот и показывает Петруше такие зубы, из которых несомненно явствуется, что животине больше пятнадцати лет.

— Ну, вот же и видно, что ей лет пять, — упорствует наш герой.

— Извольте, извольте, Петр Миколаич, — спорить с вашей милостью не могу, потому как в этом деле, признаться, и сам мало понимаю; что скажут другие, то и я: сказали три, и я говорю — три.

Скоро дело устраивается наилучшим образом: Петруша берет Московку и отдает за нее своего Злобного с придачею двухсот рублей; а так как Московку можно продать только *татарину на нож* (на убой), а не на езду, то и выходит, что чуйка получила барыши довольно значительные.

— Какова лошадка-то? — спрашивает ге-

рой наш своего кучера.

— Лошадь нешто, — отвечает Семен, тоже уже получивший надлежащий пай. — Орел, а не лошадь!

— Да и покрасивее Злобного-то.

— Патрет, — восклицает Семен, думая в то же время про себя: «Где у тебя глаза-то были? ты вот что скажи».

Безмятежное житье нашего героя, однако, было безмятежным только в течение первого года: тут он тратил денег, сколько его душеньке угодно; на следующий же рара и тамап уже писали, что нужно определить какую-нибудь норму для этих трат. Такой пассаж Петруше не понравился: он попробовал представить разные доводы, — не послушали, но настоятельно потребовали, чтобы держаться именно такой-то цифры. Герой наш сначала крепко призадумался, но потом решил, что, собственно, думать тут не о чем, а попросту следует обратиться к содействию ростовщиков. Ростовщики, разумеется, узнав все обстоятельно, решили, что такому господину верить можно, — ну, и пошла писать!

Боже мой! какое лютое горе, какие тяжкие

времена настали для нашего героя! Он коротко познакомился с грязными, вонючими лестницами, ведущими в отвратительные чуланы пятых этажей; часто, крадучись как кошка, он бывал принуждаем пробираться отдаленными городскими закоулками, чтобы не наскочить на ненавистного кредитора; блестящий и веселый вчера вечером, он трясся сегодня поутру, как осиновый лист, заслышав звонок в своей передней, и готов был лезть хоть под кровать со страха. А далеко ли то время, когда чуть не все показывали на него пальцами, с уважением произнося: «Вот этот господин вчера у Излера цыганам две тысячи рублей выбросил!» или: «Вот он, вот он, проигравший третьего дня маркеру Степке три тысячи!» Познакомившись с кровопийцами-ростовщиками, он сразу сделался не только несчастнейшим, но и беднейшим человеком в мире, потому что значительного его содержания, получаемого от родителей, едва хватало на уплату адских процентов и на то, что называют «мелкими затычками». Под конец он брал уже всем; так однажды, когда ему предложили вместо денег швейных иголок на

несколько тысяч рублей, он взял, дал вексель и затем продавал товар лишь за несколько сот; в другой раз он взял, тоже на несколько тысяч, гробового бархата, позумента и скобь; в третий взял займы булыжным камнем, и проч. и проч. Но среди всех этих невзгод и испытаний он с терпением нес свое ярмо и так же высоко держал свое чело, как и в лучшие дни. Он видел, как перед ним все принижалось и ползало во времена его могущества и славы, видел, как все это низменное поднялось теперь и было готово бросить слово оскорбления в его лицо, взамен прежних искательств и низкопоклонств, — но он никогда не допускал ничего подобного, сохраняя такое же величие, как и в те славные годы, когда проигрывал Степке-маркеру или одарял цыган. Он остался верен себе до конца!

В одно прекрасное утро, когда невежественный лавочник до того начал притеснять бедного Петрушина лакея требованием денег, что лакей решился побеспокоить барина, а барин готовился нырнуть под кровать, — раздался ужаснейший звонок, и через несколько секунд в комнату опрометью вбежал оборван-

ный, бледный господин.

— Воды! воды! — в исступлении закричал незнакомец и, как сноп, повалился на пол. Из рук его выпала газета, а в газете той... ах! там были напечатаны именно те строки, которые приведены нами в начале очерка.

Прошло два года. Раз в ресторане Доминика, за буфетом, сошлись два приятеля, два светских человека, Коля и Саша. После интересных сообщений касательно покроя брюк и пиджаков, речь перешла на бильярдную игру.

— Нет нынче порядочной игры, — сказал Коля.

— Да, — отвечал Саша.

— А помнишь Петрушу: как играл?

— А *propos!* *ou est il?*

— *Il est marié.*

— *Déjà!*[2] — изрек Саша и начал есть пирог.

Да, вот и подите: Петруша женат. А что вы думаете, может выйти очень и очень порядочный... ну, член какого-нибудь клуба, что ли, или братчик рысистых бегов, или сорев-

нователь конских скачек, или, наконец, весьма основательный подписчик на газету «Весть»!

Примечания

Современный герой. — Впервые опубликован в журнале «Будильник», № 18 за 1867 год. Рассказ заключал собою цикл «Очерк за очерком», который был напечатан Вороновым в 15, 16 и 18 номерах «Будильника» за 1867 год. Впоследствии цикл полностью вошел в состав сборника «Болото» (СПб. 1870).

Рассказ в настоящем издании печатается по тексту сборника «Болото».

[^^^]

2

— А кстати, где он? — Он женился. — Уже!
(франц.)

[^^^]